

Куликова Людмила Викторовна

Сибирский федеральный университет,
Россия, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
kulikova_l@list.ru

Дискурс межкультурной медиации: концептуальная модель исследования

Для цитирования: Куликова Л. В. Дискурс межкультурной медиации: концептуальная модель исследования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (2): 245–258. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.206>

Статья посвящена концептуальному моделированию дискурса межкультурной медиации в терминах и подходах теории дискурса и коммуникативно-прагматического анализа медиативного взаимодействия. Межкультурная медиация рассматривается в формате институционального триадического дискурса, с выделением основных коммуникативных уровней его реализации: международного дипломатического, корпоративного/делового в транснациональном сотрудничестве и официального межличностного в различных сферах межкультурного взаимодействия (например, научного, академического обмена и т. д.). Акценты в изучении межкультурного медиативного процесса в дискурсивных терминах делаются на прагматический аспект общения в рамках конфликтного урегулирования и на привлечение тех положений теории межкультурной коммуникации, которые имеют прикладной объяснительный и прогностический потенциал для конструктивного посредничества в ситуации межкультурного конфликта. Привлекаемый эмпирический материал включает данные СМИ-источников, протоколы и записи медиационных фрагментов разного уровня, авторские материалы интервью в рамках дискурса межкультурной медиации. В статье дается краткий обзор развития современной концепции медиации в зарубежных и отечественных публикациях как междисциплинарной проблемы в контексте разных гуманитарных направлений. Автор статьи предлагает возможные пути изучения и способы описания модерирующей функции медиатора как главного субъекта посреднического урегулирования конфликта между представителями разных лингвокультур, а также форматы дискурсивного поведения участников медиативного общения, отражающих национально-культурную специфику их коммуникативных стилей. Значительное внимание уделяется обсуждению спектра интерактивных техник медиатора в дискурсе межкультурного взаимодействия, способствующих конструктивной реализации медиации. В качестве основных потенциально реализуемых медиатором техник выделяются: синхронизация референции между конфликтующими сторонами, выравнивание семантико-прагматической эквивалентности в межкультурно осложненном общении, применение принципа приоритета в переговорном взаимодействии, прагматическая персуазивная техника медиатора как общий поведенческий паттерн в медиативном процессе. Предложенная концептуальная модель дискурса межкультурной медиации расширяет методологию его исследований и практическую применимость в ситуациях посреднического взаимодействия.

Ключевые слова: прагматика дискурса медиации, менеджмент межкультурных различий, интерактивные техники, аналитическое моделирование.

«А вы, когда имеете житейские тяжбы,ставляете своими судьями ничего не значащих в церкви.

К стыду вашему говорю: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими?» (гл. 6, строки 4–5)

Новый Завет: Первое послание к Коринфянам¹

Введение

Американский политолог Ариэл Коэн в телевизионной передаче «Вечер с В. Соловьевым», посвященной современным геополитическим проблемам, в процессе дискуссии сказал следующее: «Я думаю, что мы подошли к тому рубежу тяжелейших российско-американских отношений, когда возникает запрос на какую-то посредническую функцию высокого уровня. Если бы дедушка Киссинджер был в хорошей форме, я бы к нему обратился. Стороны друг друга не слышат. У нас нет условной Швейцарии, которая явилась бы посредником»².

Опыт современной дипломатии свидетельствует о том, что межкультурная медиация в сферах государственных отношений является важнейшим инструментом предотвращения военных, межконфессиональных и международных конфликтов в современном мире. На фоне существующих междисциплинарных подходов и методов изучения медиации как коммуникативной практики [Аллахвердова 2006; Барбина 2012; Моногарова 2017; Нигматуллина, Терновая 2018] процесс межкультурной медиации фактически не становился предметом лингвистического исследования в отечественном языкознании. Целью данной статьи является формирование в первом приближении системного представления о медиативном³ взаимодействии в межкультурном контексте с позиций дискурсивной лингвистики.

Теоретические рамки и методология работы

В качестве основных исследовательских методов в работе применяются общенаучный дедуктивно-индуктивный подход к изучению медиативного общения, качественный интерпретативный анализ дискурса, этнографическое наблюдение и аналитическое моделирование.

Дискурсивный аспект рефлексии процесса конфликтной медиации (ср.: лат. *mediation* — посредничество) берет свое начало, как показывает анализ теоретического материала, с 90-х гг. прошлого века в рамках феноменологических исследовательских парадигм, а также под влиянием идей и традиций коммуникативистики, стимулировавших, например, изучение медиативного взаимодействия на основе системы транскриптов устного общения, выделения роли медиатора как основно-

¹ Библия online. URL: <https://bibleonline.ru/bible/rus/53/06/>.

² «Вечер с В. Соловьевым» от 09.04.2018, фрагмент (41:51 мин программы). URL: <http://vipvideo-club.ru/video/vecher-s-vladimirov-solovevym-09-04-2018.html>.

³ Ad notata: медиация в ее современном понимании как разновидности примирительной процедуры с помощью нейтрального, беспристрастного третьего лица — медиатора, или посредника, — начала развиваться во второй половине XX столетия и прежде всего в странах англо-саксонского права (США, Австралия, Великобритания) и далее в Европе. Отметим, однако, что примирительные методы урегулирования споров применялись со времен существования первобытного общества.

го субъекта данного процесса, инициирующего выбор необходимых именно для данной ситуации коммуникативных действий [Donohue, 1991; Greatbach, Dingwall 1989]. Последовательно в аналитический фокус выдвигается нарративный элемент медиации, нарративное конструирование медиативной интеракции и ее влияние на развитие и трансформацию конфликтной ситуации в целом [см. Rifkin, Millen, Cobb 1991].

Дальнейшее расширение репертуара исследовательских и прикладных подходов к процедуре посредничества в рамках коммуникативных штудий нашло отражение в развитии концепции межкультурной медиации, прежде всего в контексте дискурсивной теории М. Фуко, определяющего дискурс как форму социального поведения [Foucault 1980]. Понимание медиации как продукта исключительно общественных дискурсов в перспективе социальной интерпретации распространяется позднее и на особый случай конфликтной медиации в условиях межкультурного взаимодействия [ср. Busch 2005]. При этом методический инвентарь изучения подобного рода медиативного опыта опирается в целом на основания критического дискурс-анализа, т. е. ориентирован не на анализ языковых явлений как таковых, а на социальные проблемы, на выявление «лингвистического характера социальных и культурных процессов и структур» [Тичер, Мейер и др. 2000: 198].

Ключевые понятия работы

В рамках данной работы под *дискурсом медиации* в целом понимается «управление процессом когнитивной, вербальной и эмоциональной трансформации субъектов конфликтного общения в рамках континуума от коммуникативного диссонанса к коммуникативному консенсусу» [Куликова, Прохорова 2016: 100–104]. Иными словами, конфликтующие участники должны из дискурсивного пространства несогласия, смысловых «разночтений» перейти в кооперативное — пространство рационального взаимодействия и смысловых пересечений.

На фоне такого подхода следует отметить, что развитие конструктивного взаимодействия сторон в формате дискурса межкультурной медиации значительно осложнено принадлежностью коммуникантов к различным лингвокультурам. С учетом этого фактора *дискурс межкультурной медиации* определяется автором данной статьи как менеджмент различий в контексте разных культурных идентичностей, конвенциональных норм и социокультурных ценностей конфликтующих актантов из разных национальных и/или профессиональных лингвокультур с учетом специфики их коммуникативно-прагматических компетенций.

Любая медиация, которую также можно кратко определить как мультимодальную практику дискурсивной обработки конфликтной ситуации в триадическом формате, в большинстве случаев реализуется конфиденциально. Данное обстоятельство значительно осложняет изучение медиативного процесса. По мнению некоторых специалистов, разрабатывающих вопросы теории и практики медиации, см., напр., [Kreuser 2012: 76; Костюшкина и др. 2016: 230], исследование посреднического взаимодействия как такового фактически ограничено минимальным объемом доступного эмпирического материала. Следует, на наш взгляд, согласиться с таким подходом, осознавая некоторую условность исследовательских процедур по отношению к аутентичному медиативному общению. Как показывает наш

анализ, рассмотрению подвергаются отдельные аспекты эффективности, успешности переговорного события, спектр коммуникативных компетенций и технологий медиатора, возможные пре- и постинтервью с участниками состоявшегося обсуждения спорной проблемы. Попытаемся, однако, с учетом общего «аналитического менталитета», а также на материале доступных источников и существующих прецедентных эпизодов реконструировать дискурс межкультурной медиации с позиции предложенной нами в работе концептуальной модели.

Основные принципы и аналитические подходы авторского моделирования дискурса межкультурной медиации

Принимая за точку отсчета моделирования процесса медиации дискурсивный подход, выделим прежде всего коммуникативно-прагматический дискурс-анализ как основной методологический «ключ» к междисциплинарному уровню исследования ситуаций посреднического разрешения межкультурно осложненных конфликтов. Изучение таковых с необходимостью обуславливает также в качестве еще одного содержательного ресурса модели отдельные положения теории межкультурной коммуникации как основного объяснительного и прогностического потенциала для конструктивной медиации в условиях межкультурного взаимодействия — «противостояния».

Есть смысл начать с общей схемы-модели дискурсивного измерения процесса медиации, фокусирующей внимание на основных объектах исследования в той системе координат, которую мы предлагаем (рис.)⁴.

Рисунок. Объекты коммуникативно-прагматического исследования дискурса межкультурной медиации (аналитическая перспектива)

Итак, аналитическая перспектива предложенной концептуальной модели включает в рассуждения об успешности и в целом о процедуре межкультурной медиации целый ряд категорий/положений коммуникативно-прагматической теории дискурс-анализа: контекст, пресуппозиции, экспликации/импликации, персуазивность, референцию и некоторые другие аспекты. Прежде всего отметим, что дискурс межкультурной медиации многоконтекстен, как и любая коммуникация в целом. Наиболее продуктивными с точки зрения исследования дискурса медиа-

⁴ В предлагаемой статье речь идет только о ситуациях институциональной коммуникации.

ции в межкультурном взаимодействии являются такие типы прагматического контекста, как экзистенциональный (все то, что обычно подразумевает мир объектов, состояний и событий, к которым отсылает высказывание в акте референции) и ситуационный. Ситуации как контексты представляют собой обширный класс социально-культурных детерминант, включая правила речевого общения, коммуникативные практики, когнитивные стереотипы и т. д., ср.: [Макаров 2003: 147, 148].

Кроме того, определим, что любое конфликтное состояние, в том числе межкультурное, всегда порождается событийно-денотативной ситуацией (как «положение дел в мире»). При этом субъекты медиации, представители разных лингвокультурных групп, встречаются в ситуации непосредственного контакта — здесь и сейчас, что образует локально-темпоральный каркас межкультурного дискурса.

В целом, как представляется, логично рассматривать в рамках анализа дискурса межкультурной медиации три основных коммуникативных уровня его реализации: международный дипломатический, корпоративный/деловой в транснациональном сотрудничестве и институциональный межличностный в различных сферах межкультурного взаимодействия (например, научного, академического обменов и т. д.).

Представленная выше репрезентация триадического дискурса медиации позволяет выделить в качестве центробразующего фактора в поле конфликтного общения коммуникантов разной национальной принадлежности фактор медиатора. При этом очевидно (из анализа практики реальной действительности), что медиатором может выступать как персональный дискурсивный посредник, конкретная личность, так и коллективное лицо — группа посредников или даже целые государства. Достаточно вспомнить существующие прецеденты международного/межкультурного медиативного взаимодействия, например в формате заседания трехсторонней контактной группы Россия — ОБСЕ — Украина по урегулированию ситуации в Донбассе (Минск) или урегулирование многолетнего спора между Афинами и Скопье при посредничестве ООН по поводу названия бывшей югославской республики, которое совпадает с наименованием северной греческой области.

Основной функцией медиатора является комплексная модерлирующая функция, позволяющая трансформировать смысловой/концептуальный, а часто, как следствие этого, и речевой конфликт (например, использование инвективной и обценной лексики) между субъектами переговорного процесса в перспективу развития коммуникативного сотрудничества. Модерлирующая функция нацелена на минимизацию дискурсивной плотности конфликта в медиативном взаимодействии и достижение необходимого обоюдного перлокутивного эффекта.

В рамках прагмалингвистической традиции и на основании дедуктивной концепции межкультурной медиации реконструируем дискурсивный метапрофиль медиатора через набор специфических интерактивных техник, способствующих успешному менеджменту конфликтных переговоров. В качестве основных потенциально реализуемых медиатором техник автором данной работы выделяются: *синхронизация референции* между конфликтующими сторонами, *выравнивание семантико-прагматической эквивалентности* в межкультурно осложненном общении (по отношению к денотативной ситуации конфликта), применение *принципа приоритета* в переговорном взаимодействии, *прагматическая персуазивная техника* медиатора как общий поведенческий паттерн в медиативном процессе.

Все участники дискурса межкультурной медиации в процессе контактного общения осуществляют *референцию* к объектам действительности, являющимся в данной конкретной ситуации источниками и актуализаторами спора. Отметим, что в условиях монокультурного переговорного взаимодействия речь, как правило, идет об идентифицирующем типе интенциональной референции [Макаров 2003: 122], когда оба переговорщика опираются на общий пресуппозиционный фонд и потенциально более готовы к восстановлению отношений интерсубъективности как факту проявления коммуникативного сотрудничества. В рамках же медиативного процесса, осложненного элементами культурной чужеродности его партнеров, для одного из которых объекты/смыслы референции остаются неизвестными, непонятными, ценностно нерелевантными, прагматический акт референции изначально оказывается неудачным. В этом смысле выделенная нами техника синхронизации референции со стороны межкультурного медиатора приобретает особое значение для установления или поддержания интерсубъективности как совместного коллективного действия субъектов конфликта. При этом знаковое регулирование медиатором дискурсивного поведения спорящих актантов с целью синхронизации референции можно рассматривать через такие традиционные в лингвистическом плане действия, как введение в поле значений адресата новых значений (сообщение новых знаний о неизвестных сторонах действительности или другого взгляда/ракурса), перестройка поля значений (трансляция новой информации об уже известном) и изменение смыслового поля (изменение отношения адресата к известным вещам), ср.: [Леонтьев 1975].

Выравнивание *семантико-прагматической эквивалентности* в ситуации «рассогласованной интеракции» между субъектами разных языковых культур имеет существенное влияние на успех процедуры межкультурной медиации. Перенос подходы к данной проблематике из работ по теории поведенческих паттернов [Sears 1961] и межкультурного консалтинга [Lonner 1981], выделим как минимум три типа семантико-прагматической (дискурсивной в широком смысле слова) эквивалентности, значимых для анализа дискурса медиации в контексте межкультурного разрешения конфликта.

Функциональная эквивалентность фокусирует внимание на тех реалиях, которые потенциально универсальны, но функционально актуализируются в разных национально-коммуникативных сообществах по-разному, в соответствии со своими культурно обусловленными конвенциями (так, например, общественный статус личности как универсальная категория может выражаться дифференциальными семиотическими средствами и играть неодинаковую роль в разных лингвокультурах или один и тот же референт/денотат несет нетождественную смысловую нагруженность в разных культурах, например, явление семейственности в разных социальных контекстах интерпретируется в одних как коррупция, в других — как разделяемая ответственность).

Концептуальная (понятийная) эквивалентность отражает разницу приписываемых речевым/дискурсивным действиям значений (например, акты оскорбления по-разному вербализуются и понимаются в различных национальных культурах).

Как частный случай концептуальной эквивалентности выступает *лингвистическая эквивалентность*, реализуемая в дискурсе межкультурной медиации (в рамках которой, как правило, взаимодействие осуществляется на разных язы-

ках) на основе качественного перевода коммуникативного вклада всех участников рассогласованной интеракции.

В целом все выделенные типы эквивалентности противопоставляют понятия равнозначности и равноценности поведенческих (вербальных и невербальных) паттернов в процессе медиации между носителями разной культурно-национальной принадлежности. Понимание вышеназванных различий и выравнивание семантико-прагматической эквивалентности медиатором способствует минимизации конфликтной тональности общения.

Соблюдение *принципа содержательно-информационного приоритета* [ср. Бергелсон, Кибрик 1987] в организации конструктивного взаимодействия между сторонами регулирует прежде всего способы коммуникативного выделения прагматически важной информации. При вербализации медиатором она получает более развернутое, грамматически более престижное оформление, а менее релевантная информация редуцируется вплоть до невыражения. Кроме того, данная интерактивная техника реализуется за счет дополнительных информационных «ключений», выбора аргументации, побуждения к вербализации имплицатур.

Персуазивность (от лат. *persuadere* — уговаривать) как общий поведенческий паттерн медиатора в нашем контексте подразумевает его интенцию убедить участников конфликта в изменении определенной установки, в принятии того или иного решения, стимулировать выполнение определенных действий, ср.: [Чернявская, Молодыхенко 2017: 30–32]. С точки зрения инструментализации такой персуазивной коммуникации речь идет о сознательном продуцировании медиатором необходимых сообщений/текстов, включающих рациональное начало и способных повлиять на оценки, поведение и выработку конструктивных решений субъектами конфликтного противостояния, которые при этом находятся в атмосфере реально осознаваемой свободы выбора. Таким образом, посредническое дискурсивное поведение медиатора, объективируемое разными интерактивными техниками, в целом нацелено на то, чтобы вызвать конструктивные изменения в позициях адресатов-субъектов или хотя бы повлиять на их оценки и интенции.

Объектами коммуникативно-прагматического изучения в дискурсивном поле медиации наряду с доминантным профилем посредника (медиатора) являются дискурсивные профили субъектов конфликтного взаимодействия. Знакомство с опытом исследования медиативного феномена, в основном в рамках западной традиции [Monk, Winslade 2000], позволяет выделить нарративный элемент как релевантную форму дискурсивного поведения участников переговорного процесса.

В соответствии с прототипической структурой медиативного процесса, включающего, в том числе, отдельные встречи медиатора со сторонами конфликта (кокус), аналитически продуктивно дифференцировать, во-первых, проблематизирующий нарратив (или кейс) как предварение собственно самой процедуры медиации, во-вторых, нарративы субъектов как дискурсивные фрагменты в рамках непосредственного контактного взаимодействия и, в-третьих, резюмирующий постнарратив или формат постинтервью участников медиации по итогам разрешения конфликтной ситуации. Следует отметить, что в целом для монологических дискурсивных фрагментов характерны формальные (лексические, морфологические и синтаксические) нарративные признаки, такие, например, как таксисные цепочки глаголов в совершенном и несовершенном виде, прошедшее время (хотя

возможно повествование и в настоящем времени), специфические средства когезии, дискурсивные маркеры и другие средства языка.

При этом нарративные фрагменты наиболее ярко отражают национально-культурную специфику идентичности говорящих, прежде всего культурно обусловленную разницу коммуникативных стилей [Куликова, 2009] участников переговорного процесса. Справедливости ради необходимо уточнить, что конвенционально-языковые особенности поведения субъектов межкультурной медиации проявляются во всех моментах посреднического урегулирования конфликта (в отдельных репликах, вопросах, в межличностных отношениях, в проявлениях вежливости или агрессии спорящих и т. д.). Однако именно личные рассказы, передающие субъективные стереотипы, коннотации и культурно нагруженные интерпретации, являются для медиатора сигналами для применения релевантных ситуации интерактивных техник.

Примеры дискурсивных фрагментов межкультурной медиации

В качестве иллюстраций вышеназванных нарративных типов приведем дискурсивные фрагменты межкультурной медиации разных коммуникативных уровней.

Пример 1. Так, примером проблематизирующего нарратива-кейса, ставшего позднее основанием медиативной процедуры в академическом контексте (из личной практики автора статьи), можно рассматривать повествование немецкой коллеги по поводу концептуально-коммуникативного недоразумения в ее взаимодействии с группой русских студентов и преподавателей:

Ich (eine deutsche Lehrkraft an einer russischen Universität) hatte Geburtstag. Die ausschließlich weiblichen Studierenden haben Torte gekauft und machten Tee. Sie saßen zusammen mit einer Kollegin, einer russischen Lehrkraft für Deutsch. Die Kollegin kommentierte, dass die deutsche Kollegin (mich gemeint) nun schon 28 wäre und zog die Augenbrauen hoch. Sie animierte die Studierenden, Glückwünsche auszusprechen. Diese überlegten nicht lang, und die erste Studentin sagte sehr gerührt: "Ich wünsche Ihnen Kinder!" So ging es weiter, die zweite Studentin sagte: "Ich wünsche Gesundheit für die Kinder!" und die dritte: "Ich wünsche ihnen eine stabile Familie". Ich lächelte freundlich, sagte dazu aber nichts. Alle Augen waren auf mich gerichtet, mitleidig, aufmunternd und wohlwollend. Ich bemühte mich, das Thema zu wechseln.

(«У меня (немецкий преподаватель в русском университете) был день рождения. Студенты, исключительно женского пола, купили торт и приготовили чай. Они сидели вместе с коллегой, русским преподавателем немецкого языка. Она прокомментировала, что немецкой коллеге (имелась в виду я) исполнилось уже 28 лет, и подняла брови. Тем самым она побудила студентов выразить поздравления. Им не пришлось долго думать, и первая студентка сказала очень растроганно: "Я желаю Вам детей!" И так продолжалось дальше, вторая студентка сказала: "Я желаю здоровья Вашим детям!", а третья: "Я желаю Вам крепкой семьи". Я дружелюбно улыбнулась, но не произнесла ни слова. Все смотрели на меня с сочувствием, подбадривающе и добродушно. Я старалась сменить тему».)

Ситуация межкультурного конфликта была спровоцирована фактически «вторжением» в чужое личное пространство немецкого преподавателя на основании частных реплик студентов о семье, детях, возрасте (*Ich wünsche Ihnen Kinder*, *Ich wünsche ihnen eine stabile Familie*), что является абсолютным культурно-конвен-

циональным табу в коммуникативном стиле немецкой лингвокультуры. Грамматически данный пре-нарративный фрагмент дискурса медиации характерно оформлен глаголами совершенного вида в прошедшем времени (*haben Torte gekauft und machten Tee, saßen, überlegten, ging es weiter...*).

Пример 2. В следующем дискурсивном фрагменте в формате резюмирующего постинтервью премьер-министр Македонии как один из субъектов медиации международного дипломатического уровня при посредничестве ООН после подписания соглашения с конфликтной стороной (Афины) использует как нарративный, так и дескриптивный типы изложения через глаголы несовершенного вида, обозначающие состояние:

Мы гордимся этим соглашением. Мы гордимся тем, что объединились вокруг решения, которое нас разделяло, и выбрали решение, которое объединяет нас⁵.

При этом все сказуемые-действия здесь отражают состоявшийся консенсус и достижение перлокутивного эффекта в реализованном переговорно-посредническом дискурсе медиации.

Таким образом, в целом процесс медиации позволяет актуализировать разные форматы взаимодействия конфликтных сторон и самого медиатора, в том числе в зависимости от их культурной соотнесенности.

Пример 3. Менеджмент различий в контексте разных культурных идентичностей с учетом религиозного фактора, конвенциональных норм и социокультурных национальных ценностей демонстрирует нижеприведенный отрывок (За: Планирование времени), анализируемый в завершение наших рассуждений, демонстрирует менеджмент различий в рамках дискурса межкультурной медиации в контексте разных культурных идентичностей, с учетом религиозного фактора, конвенциональных норм и социокультурных национальных ценностей.

Отрывок представляет собой фрагмент видеозаписи медиационной сессии, заимствованный нами из проектного исследования⁶ немецких специалистов (этим и объясняется немецкий язык фрагмента). В центре эпизода — прецедентный межкультурный конфликт между израильскими поселенцами и палестинцами, новая эскалация которого была обусловлена желанием израильтян расширить площадь своего поселения за счет передвижения домов палестинцев. Данная событийно-денотативная ситуация и послужила основанием конфликтного состояния. В контексте происходящего палестинцы стали инициаторами процедуры переговоров на основе посредничества третьей нейтральной стороны, в роли которой в данном примере выступили два медиатора (американец и иорданка). В процедуре медиации, как указано в материалах протокола, принимал участие переводчик, переводивший процесс переговоров для палестинцев, что обеспечивало соблюдение лингвистической эквивалентности. Описание дискурсивного фрагмента оформлено частично в формате комментирующих реплик самих исследователей, частично через прямую речь участников — субъектов медиации.

⁵ ТАСС. 17.06.2018. Афины и Скопье заключили соглашение о новом названии Македонии. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5298713>.

⁶ Немецкий ресурс. Eine empirisch-analytische Annäherung Interkulturelle Mediation. URL: <http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2011/2508/pdf/br2d.pdf>.

Sequenz 3a: Zeitplanung (Berghof Report Nr. 2)

Mediator: Der Mediator bringt die unterschiedlichen Zeitvorstellungen zur Sprache und fordert die Konfliktparteien auf, ihre Pausenwünsche immer sofort zu artikulieren.

Mediatorin: Die Mediatorin ergänzt mit der Frage, ob es Beschränkungen für die Zeitstruktur gibt, von denen sie noch nichts wissen.

Übersetzung

Palästinenser: Wir, Palästinenser wollen bis 5 Uhr nachmittags arbeiten, danach müssen wir aufhören, weil Ramadan ist.

Mediatorin: Daraufhin macht die Mediatorin eine auffordernde Handbewegung zu den Israelis. Sie merkt aber, daß die Übersetzung noch nicht abgeschlossen war, und nimmt die Bewegung wieder zurück.

Nach der Übersetzung folgt eine kurze Stille, in der nun die Israelis leise anfangen, miteinander zu beraten.

Mediatorin: Anschließend werden sie von der Mediatorin gebeten, sich zu ihrer Zeitvorstellung zu äußern.

Israelis: «Für uns ist morgen Sabbat. Deshalb wollen wir heute fertig werden.»

Übersetzung

Anschließend fügen die Israelis noch hinzu, daß man danach wieder zusammenkommen könne.

Mediatorin: (Mit einer offenen Handbewegung in Richtung beider Konfliktparteien fragt die Mediatorin noch einmal:) «Es ist aber für alle so, daß wir uns heute bis 17 Uhr Zeit nehmen können?»

Dies wird von den Konfliktparteien abgenickt. (Quelle: Videoaufzeichnung — 8M32S).

(Эпизод 3а: Планирование времени (Бергхоф, доклад № 2)

Медиатор (муж.): поднимает вопрос о разных подходах ко времени и призывает конфликтующие стороны всегда заранее выражать пожелания о перерывах.

Медиатор (жен.): дополняет вопросом, имеются ли ограничения во времени, о которых они еще ничего не знают.

Палестинец: Мы, палестинцы, хотим работать до 5 часов вечера, после этого мы должны прекратить работу, так как наступает Рамадан.

Медиатор (жен.): делает приглашающий к беседе знак рукой израильтянам. Однако замечает, что перевод еще не окончен, и прекращает движение рукой. После окончания перевода следует недолгое молчание, затем израильтяне начинают тихо между собой совещаться.

Медиатор (жен.): просит их выразить свое мнение о подходе к организации времени работы.

Израильтяне: Завтра у нас шабат. Поэтому мы хотим закончить сегодня.

После чего израильтяне добавляют, что позже можно было бы снова собраться вместе.

Медиатор (жен.): с движением рук, направленным к обеим сторонам конфликта, спрашивает еще раз: Устраивает ли всех, что сегодня наша встреча продлится до 17 часов?

Обе стороны конфликта кивают в знак согласия.) [Видеозапись — 8M32S].

Компетентная модулирующая позиция медиаторов в приведенном примере проявляется прежде всего в акцентировании концепта «время», разницы в планировании времени как культурно-конвенционального аспекта. Оба медиатора, понимая, что рассогласованность в этом вопросе может привести к фиаско в процедуре межкультурной медиации, неоднократно своими репликами осуществляют референцию к фактору приемлемого планирования участниками времени организации встреч и их длительности: *die unterschiedlichen Zeitvorstellungen, Pausenwünsche, Beschränkungen für die Zeitstruktur, zu ihrer Zeitvorstellung zu äußern*. Включение

в переговорный дискурс интерактивной техники синхронизации референции позволяет медиаторам выявить пресуппозиционные установки субъектов разной национальной принадлежности, касающиеся двух культурно чужеродных ценностно значимых событий — мусульманского Рамадана и еврейского шабата. Номинация этих праздников конфликтными сторонами: *Für uns ist morgen Sabbat u weil Ramadan ist* — сразу имплицитно для медиаторов вопрос продолжительности контактного взаимодействия и возможность возобновления дискурса в другие отрезки времени. Метадискурсивная реплика одного из посредников по поводу уточнения длительности начавшейся встречи — *Es ist aber für alle so, daß wir uns heute bis 17 Uhr Zeit nehmen können?* — приводит к перлокутивному эффекту взаимоприемлемого обоюдного согласия, продемонстрированного субъектами межкультурной медиации невербально кивком: *Dies wird von den Konfliktparteien abgenickt.*

Очевидно, что конфликтующие актанты приносят в процесс медиативного взаимодействия свой коммуникативный стиль, отражающий существующие в родной лингвокультуре предпочтения по выбору вербальных и невербальных средств, а также ценностные и конвенциональные предпочтения. Дифференциация коммуникативных стилей рассматривается сегодня [Куликова 2009] по таким базовым характеристикам, как контекстность культуры и коммуникации (прямой эксплицитный/косвенный имплицитный стили); тенденции индивидуалистских или коллективистских поведенческих паттернов; восприятие времени (монокронность/полихронность коммуникативного поведения); восприятие пространства (соблюдение приватности и вербальные маркеры дистанцированности) и др.

Таким образом, анализ триадического дискурса медиации между представителями разных лингвокультур с необходимостью актуализирует положения теории межкультурной коммуникации, которые в целом расширяют методологию и практическую применимость концептуальной модели, предложенной в этой работе.

Выводы

Итак, дискурс межкультурной медиации является внутренне сложным и многоаспектным феноменом. Фактически в данной статье представлен метадискурс о дискурсе медиации в межкультурном контексте. Автором работы смоделирован процесс дискурса межкультурной медиации на основе метода дискурс-анализа в лингвопрагматическом измерении с включением в аналитический ресурс модели отдельных положений теории межкультурной коммуникации как основного объяснительного и прогностического потенциала для конструктивной медиации в условиях межкультурного взаимодействия. В рамках разработанной модели выделены три основных коммуникативных уровня реализации дискурса межкультурной медиации: международный дипломатический, корпоративный/деловой в транснациональном сотрудничестве и институциональный межличностный в различных сферах межкультурного взаимодействия. Предложенный здесь подход к анализу исследуемого типа коммуникативного взаимодействия концептуализируется на основе акцентирования дискурсивного профиля медиатора как центробразующего фактора в поле конфликтного общения коммуникантов разной национальной принадлежности, а также профилей субъектов дискурса медиации.

В качестве основных потенциально реализуемых медиатором техник автором данной работы выделяются *синхронизация референции* между конфликтующими

сторонами, *выравнивание семантико-прагматической эквивалентности* в межкультурно осложненном общении, применение *принципа приоритета* в переговорном взаимодействии, *прагматическая персуазивная техника* медиатора как общий поведенческий паттерн в медиативном процессе. Субъекты дискурса межкультурной медиации рассматриваются прежде всего в перспективе их нарративной реализации. В рамках данной работы нарратив понимается как тип изложения, позволяющий субъектам дискурса медиации вербализовать проблему межкультурного конфликта. Предложенная типология позволяет дифференцировать проблематизирующий нарратив (или кейс) как предварение собственно самой процедуры медиации, непосредственные нарративы субъектов в рамках контактного взаимодействия и резюмирующий постнарратив.

Исследовательская и прикладная перспективы изучения семиотического пространства межкультурной медиации в логике включения в эти процессы коммуникативно-прагматического инвентаря лингвистики, выявления технологий посредничества, структурного формата дискурса медиации и применения основных категорий теории межкультурной коммуникации представляются автору продуктивными для конструктивного консенсуального разрешения конфликтов в современном мире.

Литература

- Аллахвердова 2006 — Аллахвердова О. В. Медиация — новая коммуникативная практика. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2006, 9 (4): 31–49.
- Барбина 2012 — Барбина Н. С. *Когнитивный механизм контраргументации в дискурсе медиации*. Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2012. 189 с.
- Бергельсон, Кибрик 1987 — Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка. В кн.: *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*. Кибрик А. Е., Нариньяни А. С. (ред.). М.: Наука, 1987. С. 52–63.
- Костюшкина и др. 2016 — Костюшкина Г. М. (ред.), Колмогорова А. В., Нешева Т. В. и др. *Концептуальная систематика аргументации*. М.: Флинта: Наука, 2016. 588 с.
- Куликова 2009 — Куликова Л. В. *Коммуникативный стиль в межкультурном общении*. М.: Флинта: Наука, 2009. 288 с.
- Куликова, Прохорова 2016 — Куликова Л. В., Прохорова О. А. Исследовательские подходы к дискурсу медиации в фокусе междисциплинарности. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016, 2 (56/2): 100–104.
- Леонтьев 1975 — Леонтьев А. А. Знак и деятельность. *Вопросы философии*. 1975, 10: 118–126.
- Макаров 2003 — Макаров М. Л. *Основы теории дискурса*. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
- Моногарова 2017 — Моногарова А. Г. *Современный англоязычный дискурс медиации: терминологическая составляющая и система прагматических стратегий*. Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2017. 213 с.
- Нигматуллина, Терновая 2018 — Нигматуллина Т. А., Терновая Л. О. *Политическая медиация*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2018. 327 с.
- Тичер, Мейер и др. 2009 — Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. *Методы анализа текста и дискурса* [2000]. Перевод с англ. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. 356 с.
- Чернявская, Молодыхенко 2017 — Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. *Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе*. М.: Ленанд, 2017. 176 с.
- Busch 2005 — Busch D. *Interkulturelle Mediation. Eine theoretische Grundlegung triadischer Konfliktbearbeitung in interkulturell bedingten Kontexten*. Frankfurt/Main et al.: Peter Lang, 2005. 390 S.
- Donohue 1991 — Donohue W. A. *Communication, marital dispute, and divorce mediation*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1991. 256 p.

- Foucault 1980 — Foucault M. *Power/knowledge: Selected interviews and other writings 1972–1977*. Gordon C. (ed.). Brighton: Harvester, 1980. 271 p.
- Greatbach, Dingwall 1989 — Greatbach D., Dingwall R. Selective facilitation: Some preliminary observations on a strategy used by divorce mediators. *Law and Society Review*. 1989, 23 (4): 613–641.
- Kreuser 2012 — Kreuser K. Entschieden fragen: Ein selbstkritischer Kommentar zu Subjekten und Objekten der Mediationsforschung. In: *Mediation erforschen: Fragen — Forschungsmethoden — Ziele*. Busch D., Mayer Cl.-H. (hrsg.). Wiesbaden: Springer, 2012. S. 71–86.
- Lonner 1981 — Lonner J. W. Psychological tests and intercultural counseling. In: *Counseling across cultures*. Pedersen P.P., Draguns J. G., Lonner W.J. & Trimble J.E. (eds). Revised and Expanded Edition. Honolulu, HI: University of Hawaii Press, 1981. P. 275–303.
- Monk, Winslade 2000 — Monk G., Winslade J. *Narrative mediation: A new approach to conflict resolution*. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2000. 256 p.
- Rifkin, Millen, Cobb 1991 — Rifkin J., Millen J., Cobb S. Toward a new discourse for mediation. *Mediation Quarterly*. 1991, 9 (2): 151–164.
- Sears 1961 — Sears R. R. Transcultural variables and conceptual equivalence. In: *Studying personality cross-culturally*. Kaplan B. (ed.). New York: Harper & Row, 1961. P. 445–455.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2018 г.

Статья рекомендована в печать 28 января 2019 г.

Ludmila Viktorovna Kulikova

Siberian Federal University,
79, pr. Svobodny, Krasnoyarsk, 660041, Russia
kulikova_l@list.ru

Discourse of intercultural mediation: a conceptual research model

For citation: Kulikova L. V. Discourse of intercultural mediation: a conceptual research model. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (2): 245–258.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.206> (In Russian)

This paper focuses on conceptual modeling of intercultural mediation discourse using discourse theory and communicative-pragmatic analysis of a mediative interaction. The author considers intercultural mediation to be an institutional triadic discourse, singling out the main communicative levels of its implementation: international diplomatic, corporate in a transnational cooperation, and official interpersonal in intercultural interaction. Empirical material includes data from media sources, protocols and recordings of mediation sessions, and interviews by the author. The article provides a brief overview of foreign and Russian publications about the development of the modern concept of mediation as an interdisciplinary issue in the context of different humanitarian fields. The author suggests possible ways for studying and describing the moderating function of the mediator as the main subject of conflict management between representatives of different lingua-cultures, and the formats of discursive behavior of mediation participants. Particular attention is paid to the study of the mediator's interactive techniques, contributing to constructive mediation in intercultural discourse. The main techniques potentially implemented by the mediator are: synchronization of references between conflicting parties; equalization of semantic and pragmatic equivalence in intercultural complicated communication; application of a priority principle in negotiation interaction; and a pragmatic persuasive technique of the mediator as a main behavioral pattern in the mediation process. The proposed conceptual model of the intercultural mediation discourse expands the methodology for research and practical applicability in situations of mediative interaction.

Keywords: pragmatics of mediation discourse, management of intercultural differences, interactive techniques, analytical modeling.

References

- Аллахвердова 2006 — Allakhverdova O. V. Mediation — new communication practice. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2006, 9 (4): 31–49. (In Russian)
- Бареева 2012 — Bareina N. S. *Cognitive mechanism of counter-argumentation in discourse of mediation*. PhD thesis (Philology). Baikal State University of Economics and Law. Irkutsk, 2012. 189 p. (In Russian)
- Бергельсон, Кибрик 1987 — Bergel'son M. B., Kibrik A. E. Pragmatic principle of Priority and its reflection in the language grammar. In: *Modelirovanie iazykovoi deiatel'nosti v intellektual'nykh sistemakh*. Kibrik A. E., Narin'iani A. S. (eds.). Moscow: Nauka Publ., 1987. P. 52–63. (In Russian)
- Костюшкина и др. 2016 — Kostiuskhina G. M., Kolmogorova A. V., Nesheva T. V. et al. (ed.). 3rd ed. *Conceptual systematics of argumentation*. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2016. 588 p. (In Russian)
- Куликова 2009 — Kulikova L. V. *Communication styles in intercultural communication*. Moscow: Flinta; Nauka, 2009. 288 p. (In Russian)
- Куликова, Прохорова 2016 — Kulikova L. V., Prokhorova O. A. Research approaches to the mediation discourse through the prism of interdisciplinarity. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016, 2 (56/2): 100–104. (In Russian)
- Леонтьев 1975 — Leont'ev A. A. Sign and activity. *Voprosy filosofii*. 1975, 10: 118–126. (In Russian)
- Макаров 2003 — Makarov M. L. *Fundamentals of discourse theory*. Moscow: Gnozis Publ., 2003. 280 p. (In Russian)
- Моногарова 2017 — Monogarova A. G. *Contemporary English-language discourse of mediation: A terminological component and a system of pragmatic strategies*. PhD thesis (Philology). Piatigorsk: Pyatigorsk State University, 2017. 213 p. (In Russian)
- Нигматуллина, Терновая 2018 — Nigmatullina T. A., Ternovaia L. O. *Political mediation*. 2nd ed. Moscow: Iurait Publ., 2018. 327 p. (In Russian)
- Тичер, Мейер и др. 2009 — Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. *Methods of text and discourse analysis, 2000*. Translated from English. Kharkov: Gumanitarnyi Tsentri Publ., 2009. 356 p. (In Russian)
- Чернявская, Молодченко 2017 — Cherniavskaia V. E., Molodychenko E. N. *Linguistic manipulation in political, advertising and Internet discourse*. Moscow: Lenand Publ., 2017. 176 p. (In Russian)
- Busch 2005 — Busch D. *Interkulturelle Mediation. Eine theoretische Grundlegung triadischer Konfliktbearbeitung in interkulturell bedingten Kontexten*. Frankfurt/Main et al.: Peter Lang, 2005. 390 S.
- Donohue 1991 — Donohue W. A. *Communication, marital dispute, and divorce mediation*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1991. 256 p.
- Foucault 1980 — Foucault M. *Power/knowledge: Selected interviews and other writings 1972–1977*. Gordon C. (ed.). Brighton: Harvester, 1980. 271 p.
- Greatbach, Dingwall 1989 — Greatbach D., Dingwall R. Selective facilitation: Some preliminary observations on a strategy used by divorce mediators. *Law and Society Review*. 1989, 23 (4): 613–641.
- Kreuser 2012 — Kreuser K. Entschieden fragen: Ein selbstkritischer Kommentar zu Subjekten und Objekten der Mediationsforschung. In: *Mediation erforschen: Fragen — Forschungsmethoden — Ziele*. Busch D., Mayer Cl.-H. (Hrsg.). Wiesbaden: Springer, 2012. S. 71–86.
- Lonner 1981 — Lonner J. W. Psychological tests and intercultural counseling. In: *Counseling across cultures*. Pedersen P. P., Draguns J. G., Lonner W. J. & Trimble J. E. (eds). Revised and Expanded Edition. Honolulu, HI: University of Hawaii Press, 1981. P. 275–303.
- Monk, Winslade 2000 — Monk G., Winslade J. *Narrative mediation: A new approach to conflict resolution*. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2000. 256 p.
- Rifkin, Millen, Cobb 1991 — Rifkin J., Millen J., Cobb S. Toward a new discourse for mediation. *Mediation Quarterly*. 1991, 9 (2): 151–164.
- Sears 1961 — Sears R. R. Transcultural variables and conceptual equivalence. In: *Studying personality cross-culturally*. Kaplan B. (ed.). New York: Harper & Row, 1961. P. 445–455.

Received: September 20, 2018

Accepted: January 28, 2019